

Мы отстали. Навсегда ли?

Размышления над книгой Либмана А.М. «Политико-экономические исследования и современная экономическая теория» (ИЭ РАН, М. 2008)

В конце 2008 года Институт экономики РАН издал обзорную монографию Александра Михайловича Либмана «Политико-экономические исследования и современная экономическая теория». Ее библиография включает около восьмисот первоисточников и составляет более одной восьмой всего объема монографии (13 п.л.).

Поскольку многие отечественные экономисты, особенно старших поколений, воспитаны в традициях политической экономии, а не экономической теории, название выглядит интригующе: неужели автор взялся сравнивать эти альтернативные версии изучения экономики? На самом деле А.М. Либман имеет в виду совсем другое – политическую экономику как часть современных наук об обществе, находящуюся на стыке экономической науки и политологии. Причем автор не претендует на полноту обзора, поскольку указанной им тематике посвящены тысячи работ ежегодно.

Монография написана в формате «от общего к частному» и состоит из четырех разделов (во введении автор называет их главами), довольно заметно различающихся по объему и структуре. Первый, самый большой и наиболее структурированный раздел – «Структура научного сообщества в экономических исследованиях» – представляет интерес для широкого круга читателей журнала «Вопросы экономики». В нем даются несколько взаимодополняющих обзоров методологического и «аксиоматического» характера. В методологическом обзоре последовательно рассматриваются теоретические и эмпирические исследования и проблемы коммуникации между ними, а также экспериментальная экономика. В «аксиоматическом» обзоре рассматриваются основное течение (мейнстрим), неортодоксальная экономическая теория и экономические исследования в неэкономических науках.

Содержание именно этого раздела в наибольшей мере послужило основой для названия этих заметок. Мы действительно отстали. Вот простой пример: «в Германии сегодня практически отсутствуют рецензируемые журналы на немецком языке; в большинстве своем они перешли на английский язык (как, например, Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft или Jahrbuch für Neue Politische Ökonomie, издающиеся как Journal of Institutional and Theoretical Economics и Conferences on New Political Economy)» (с. 76, прим. 40). Эта же закономерность – подавляющего доминирования английского языка как языка общения экономистов – заметна и по библиографии, в которой более семисот источников представлены на английском языке, в том числе и почти всех немецких авторов, хотя сам автор стажировался в Маннгеймском, Гейдельбергском и Марбургском университетах и имел все возможности работать с первоисточниками на немецком языке.

Почти монопольное положение английского языка в экономической науке пока что не воспроизводит аналогичную ситуацию с латынью в культуре средневековья. Мировой рынок труда экономистов в значительной мере ориентирован только на одну страну – США. «Приведем лишь один пример: в США более 50% выпускников докторантских программ приходится на иностранцев, проживающих в стране по временной визе на учебу. При этом подавляющее большинство их впоследствии находит работу в США и успешно продвигается по карьерной лестнице» (с. 77).

Дело, однако, не только в вербальном языке, пусть даже английском. Обязательным в экономической теории стал и язык математики: «В настоящее время ситуация очевидна: *«вербальное моделирование» практически полностью вытеснено из теоретических исследований в области экономической теории*; чисто вербальный текст не имеет никаких шансов на публикацию ни в одном из влиятельных экономических

журналов (с. 21, курсив А.М. Либмана, – *Л.Г.*). Судя по этому наблюдению, на такую публикацию не имели бы шансов работы не только Карла Маркса, но и таких его оппонентов, как Людвиг фон Мизес и нобелевский лауреат по экономике Фридрих фон Хайек. А.М. Либман отмечает, что помимо очевидных связей между экономикой и математикой как наук, изучающих в первую очередь количества, фактическому вытеснению экономического содержания математическими формализмами в значительной мере способствует сильная конкуренция в научном сообществе. Как известно, математика лучше всего осваивается в молодом возрасте, поэтому первоочередное освоение именно этого средства, точнее, тех разделов математики, которые традиционно используются в экономической теории, становится фактором успешного начала научной карьеры в качестве экономиста (с. 77). При этом даже не возникает вопрос: достаточен ли собственный жизненный опыт такого начинающего ученого для понимания реальной экономики и ее роли в жизни общества?

По оценке А.М. Либмана, острая конкуренция среди экономистов-исследователей на мировом рынке приводит к вытеснению с экономических факультетов все направления, кроме основного. При этом само оно в значительной мере впитывает в себя все или почти все остальные течения в той мере, в какой они признаются действующим сообществом и научными, и экономическими. То, что не впитывается, находит себе место на других факультетах, где экономика изучается извне, методами других наук. Автор в конце раздела также отмечает: «эмпирические исследования структуры цитирования показывают, что экономика в значительно меньшей степени обращается к достижениям других социальных дисциплин, чем эти дисциплины – к выводам экономики» (с. 89). Одно из редких исключений – как раз политическая экономика.

Второй раздел – «Основные направления политико-экономических исследований» – содержит описание места политической экономики в рамках структуры, описанной в первом разделе. При этом автор закономерно в центр внимания ставит подход, в соответствии с которым государство рассматривается как «сеть отношений и процесс взаимодействия», а не как принимающее решения «самостоятельное существо, не зависящее и находящееся вне обычных членов общества» (с. 8). Автор не ограничивается обзором исследований в рамках основного течения – когда политические процессы изучаются методами экономического моделирования. Среди разнообразных «неортодоксальных» подходов для более детального освещения он выбрал эволюционную теорию экономической политики, а также исследования экономики как системы власти.

Было бы неблагодарным делом пытаться «вкратце пересказать» здесь содержание этого раздела, равно как и любого другого фрагмента этой очень плотно написанной монографии¹. Это было бы похоже на описание «развлечения по нашему» из шутки времен, когда в СССР «не было секса»². Лучше всего взять пример с А.М. Либмана и привести перечень приоритетных направлений формирования дисциплины «Политическая экономика», как они представлены А. Алезиной в отчете Национального бюро экономических исследований (США) за 2007 год:

- анализ влияния демократии на экономический рост и динамики роста на формирование демократических институтов;
- исследования роли культуры и этнических факторов в формировании убеждений и их влияния на политические решения; эндогенизация культуры в политико-экономических моделях;
- исследование выборов в США;

¹ Я бы рекомендовал руководству Института экономики Российской академии наук опубликовать это малотиражное некоммерческое издание на сайте института.

² «Развлечение по-шведски»: собирается разнополая группа шведской молодежи и развлекается в меру своего воображения. «Развлечение по-польски»: в Польше собирается компания молодежи и смотрит фильм, снятый в Швеции. «Развлечение по-нашему»: собираются юноши и девушки и слушают того, кто был в Польше и видел фильм, снятый в Швеции.

- влияние политических институтов на результаты экономической политики;
- измерение и изучение эффектов коррупции с точки зрения политико-экономических явлений (с. 116).

Третий раздел – «Политическая экономика множественных центров публичной власти» – продолжает линию на сужение поля обзора. В нем внимание А.М. Либмана сосредоточивается только на двух темах: теориях федерализма второго поколения и экономической теории конфликтов (включая войны). Автор сразу предупреждает, что термин «федерализм» понимается экономистами-исследователями не юридически, а пространственно-иерархически, как «система многих юрисдикций» (с. 168), в том числе и неформальных. В отличие от традиционных теорий федерализма, ориентировавшихся на «поиск оптимальных критериев распределения полномочий между уровнями и органами власти» (с. 169, курсив А.М. Либмана, – Л.Г.) и потому ориентированных нормативно, теория федерализма ориентирована на позитивный анализ структуры стимулов при принятии решений в процессе взаимодействия множества конкурирующих агентов.

Среди множества конкретных исследований, попавших в обзор, здесь хотелось бы отметить одно, моделирующее формирование и распад федерации, если она складывается на основе распределительных отношений (Wüßner K. Distributional Conflict and Jurisdictional Organization // Journal of Public Economics. 1998. Vol. 69). Результат моделирования формирования федерации как трехступенчатой игры: «в такой ситуации доля сравнительно небольших регионов в рентном дохода систематически превышает их долю в населении, и масштабы рассеивания рент (rent dissipation) в федерации строго ниже, чем в унитарном государстве» (с. 181-182). Этот формально полученный результат корреспондирует и с современной практикой хозяйствования в России, во многом ориентированной на распределение доходов от экспорта энергоресурсов, и с практикой хозяйствования в СССР, где преобладал балансовый метод планирования, также основанный на распределительном подходе.

Последний, четвертый раздел – «Нормативные аспекты политико-экономических исследований» – самый короткий (всего 9 страниц по сравнению с 70-80 страницами в предыдущих разделах) и, вероятно по этой причине, совершенно не структурированный явным образом. Тем не менее, автору удалось «снять сливки» с 20 работ разных авторов, которые рассматривали разнообразные проблемы применения позитивной политической экономики. Главная из них – как разделить в самом государстве его объективную и субъективную «составляющие». Традиционно главным адресатом рекомендаций экономистов во все времена было государство. Но если оно само перестает быть самостоятельным существом, не зависящим от членов общества, а понимается как сеть отношений и процесс взаимодействия, то экономист-исследователь становится всего лишь одним из узлов этой сети и процессов. У него есть свои интересы, в том числе связанные с поиском ренты на имеющиеся у него знания. Автор отмечает, что уже существует определенная литература в области «политической экономии консультирования» (с. 241), в которой, в частности, анализируется сознательное завышение угроз как инструмент получения дополнительного финансирования исследований.

Завершается монография утверждением: «Облик экономической науки серьезно меняется – и это не может не стать вызовом для трансформации экономических исследований в России» (с. 247).

Как же происходить эта трансформация? Какими силами, в каких направлениях? В какие сроки? Кадры решают в науке если не все, то очень многое. Поэтому есть резон начать с ситуации с подготовкой кадров экономистов-исследователей в России. Как раз сейчас завершилась работа по подготовке федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), которые придут на смену ГОС ВПО, утвержденным в 2000 году со сроком действия десять лет. Их проекты, закупленные Министерством образования и науки Российской Федерации, в первой половине июня 2009 года были опубликованы на сайте министерства.

Судя по проектам стандартов подготовки бакалавров и магистров экономики, трансформация в подготовке кадров остается проблематичной.

Вот как представлены описания требований к бакалаврам «в части экономической теории»:

«В результате изучения базовой части профессионального цикла обучающийся должен:

знать:

- закономерности функционирования современной экономики на *макро- и микроуровне* (курсив здесь и далее мой, – Л.Г.);
- основные понятия, категории и инструменты экономической теории и прикладных экономических дисциплин;
- основные особенности ведущих школ и направлений экономической науки;
- методы построения эконометрических моделей объектов, явлений и процессов;
- основы построения, расчета и анализа современной системы показателей, характеризующих деятельность хозяйствующих субъектов на *микро - и макроуровне*;

уметь:

- анализировать во взаимосвязи экономические явления, процессы и институты на *микро - и макроуровне*;
- строить на основе описания ситуаций стандартные теоретические и эконометрические модели, анализировать и содержательно интерпретировать полученные результаты;
- прогнозировать на основе стандартных теоретических и эконометрических моделей поведение экономических агентов, развитие экономических процессов и явлений, на *микро - и макроуровне*;

владеть:

- методологией экономического исследования;
- современными методами сбора, обработки и анализа экономических и социальных данных;
- современной методикой построения эконометрических моделей;
- методами и приемами анализа экономических явлений и процессов с помощью стандартных теоретических и эконометрических моделей;
- современными методиками расчета и анализа социально-экономических показателей, характеризующих экономические процессы и явления на *микро - и макроуровне*.

Как видно из перечня, в нем нет ни микроэкономики, ни макроэкономики как основных составных частей современной экономической теории. Представлены почему-то только два «уровня» экономической практики. Такая подмена невозможна на профессиональном языке экономистов, где *economics* и *economy* – это два разных термина. У нас же термин макроэкономика – как синоним «макроэкономического уровня» экономики – бытует даже в перечне научных квалификаций (шифр 08.00.05 в прежние времена имела область «Экономика народного хозяйства (по отраслям)»).

Двоякий смысл термина «экономика» на русском языке позволяет и сейчас выпускать учебники по экономике, в которых наряду с разделами по микроэкономике и макроэкономике есть также описание мезоэкономики (а также мегаэкономики и так далее – в зависимости от творческого воображения авторов, но вне связи с общепринятым смыслом базовых понятий). Можно надеяться, что по таким учебникам не будут учиться будущие экономисты, но упор в стандарте бакалавров на «уровневость» экономики и отсутствие в нем микроэкономики и макроэкономики, равно как и какого-либо минимума содержательных требований, не дает стимулов к трансформации образования.

Микроэкономика и макроэкономика – в их стандартном понимании – при описании требований к выпускникам появляется только в стандарте для магистров:

«В результате изучения базовой части цикла обучающийся должен:

Знать

- закономерности функционирования современной экономики на *макро - и микроуровне*;
- основные результаты новейших исследований, опубликованные в ведущих профессиональных журналах по проблемам *макро-, микроэкономики, эконометрики*;
- современные методы эконометрического анализа;
- современные программные продукты, необходимые для решения экономико-статистических задач;

Уметь

- применять современный математический инструментарий для решения содержательных экономических задач;

- использовать современное программное обеспечение для решения экономико-статистических и эконометрических задач;
- формировать прогнозы развития конкретных экономических процессов на *микро - и макроуровне*;

Владеть

- методикой и методологией проведения научных исследований в профессиональной сфере;
- навыками самостоятельной исследовательской работы;
- навыками *микроэкономического и макроэкономического моделирования* с применением современных инструментов;
- современной методикой построения эконометрических моделей».

Как видим, и у магистров сохраняется наша доморощенная, если не сказать провинциальная, «уровневость» экономики. По-видимому, наблюдаемая в новом стандарте смесь английского с нижегородским представляет собой трансформацию компромисса между «западниками» и всеми остальными, который в предыдущем, пока еще действующем, стандарте принял вид двух версий описания минимальных требований к содержанию микроэкономики и макроэкономики (с одной звездочкой – «Рекомендуется учебно-методическим объединением университетов, базовый вуз – Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова», с двумя звездочками – «Рекомендуется учебно-методическим объединением в области экономики и социологии труда, базовый вуз – Российская экономическая академия им. Г.В.Плеханова).

Принципиальное отличие вводимых ФГОС ВПО от действующих ГОС ВПО состоит в отказе от описания содержательного минимума знаний и умений в привязке к конкретным дисциплинам. Для сохранения преемственности сохранены соответствующие позиции для учебных циклов (гуманитарного, математического и профессионального), но основной упор делается на описание компетенций выпускников. В них уже нет ничего, кроме все тех же двух уровней и для бакалавров³, и для магистров⁴. Но это уже не столь важно: главный упор делается на «невидимую руку» конкуренции на рынке образовательных услуг, которая и должна все расставить по своим местам: слабые вузы сократят или совсем прекратят подготовку экономистов, а сама она сократится в разы и придет в соответствие с потребностями экономики.

Но рынок в 2009 году ценами на образовательные услуги в том вузе, который и представил проект ФГОС ВПО (по согласованию с остальными головными вузами УМО), Государственном университете Высшая школа экономики «говорит», что даже в этом профильном вузе, созданном в начале 1990-х годов специально для подготовки экономистов высшей квалификации, самым большим спросом пользуется направление «менеджмент»: плата за обучение для поступающих в 2009 году на факультет менеджмента наибольшая в вузе – 313 тыс. руб. в год, а на факультет экономики – 268 тыс. руб. в год⁵. При этом по состоянию на 14.08.09 качество поступающих, измеряемое оценками ЕГЭ и данными о призерах олимпиад, на этих факультетах почти не различается. Так, на факультет экономики зачислено 6 победителей олимпиады «Ломоносов (математика)», проводимой МГУ им. И.В.Ломоносова, а на факультет менеджмента – 5 (соответственно, 4 и 6 процентов от плана приема на места с бюджетным

³ 4.4. Задачи профессиональной деятельности бакалавров

б) *аналитическая, научно-исследовательская деятельность...* - анализ и интерпретация показателей, характеризующих социально-экономические процессы и явления на микро- и макро- уровне как в России, так и за рубежом;

⁴ 5. ТРЕБОВАНИЯ К РЕЗУЛЬТАТАМ ОСВОЕНИЯ ОСНОВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ МАГИСТРАТУРЫ

Выпускник по направлению подготовки «Экономика» с квалификацией (степенью) «магистр» в соответствии с задачами профессиональной деятельности и целями основной образовательной программы должен обладать следующими компетенциями:

б) *профессиональными (ПК)*:

- аналитическая деятельность - способен готовить аналитические материалы для оценки мероприятий в области экономической политики и принятия стратегических решений на микро - и макроуровне (ПК-8);

⁵ Все приведенные по ГУ ВШЭ и другим вузам данные основаны на первичной информации, полученной с соответствующих общедоступных сайтов в режиме on line 16.08.09.

финансированием – 160 чел. и 90 чел.). Первая половина от этого же плана среди поступающих по конкурсу имеет по ЕГЭ средний балл 345 и 346 соответственно. При этом будущие менеджеры чуть более гуманитарны, чем будущие экономисты, а математическая подготовка будущих юристов лучше, чем у тех и других и уступает только зачисленным на факультет математики (см. таблицу).

Факультеты ГУ ВШЭ:	Математика	Иностранный язык	Русский язык	Обществознание	Сумма баллов	Количество (чел.)
экономики	81	92	88	84	345	79
менеджмента	78	93	91	83	346	45
математики	84	74	70	66	293	19
права	82	78	90	85	335	62
философии	76	86	80	73	315	30

При этом заявленная проходная планка по третьей волне зачисления (со сроком предъявления подлинников документов до 20.08.09) – 335 (экономисты) и 327 баллов (менеджеры). Для сравнения – на экономическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова аналогичные показатели на ту же дату составили 250 и 180 баллов.

Ситуация усугубляется тем, что поступившие на экономический факультет ГУ ВШЭ не очень склонны к выбору академической карьеры. В результате руководству пришлось объединить две магистерские программы, микроэкономики и макроэкономики, в одну – «Экономика». Конкурс на бюджетные места на этой магистерской программе на 15.07.09 составлял 2,5, тогда как на факультет экономики в целом – 2,6, а на факультет менеджмента – 3,0.

Подытоживая, можно сказать, что в рамках государственной системы высшего профессионального образования ответ на вызов со стороны мировой экономической науки, сформулированный А.М. Либманом, формируется в весьма скромных масштабах. За рамками этой системы дело обстоит несколько лучше. Российская экономическая школа (РЭШ) была создана в начале 1990-х при финансовой и кадровой поддержке из США и Израиля и уже завоевала авторитет ведущего учебного заведения магистерского уровня по экономике в России (в частности, ее выпускник А. Дворкович уже давно начал работать в правительстве, а сейчас является помощником Президента Российской Федерации).

В настоящее время РЭШ принимает на 1 курс программы «магистр экономики» около ста выпускников ведущих российских вузов с хорошей подготовкой по математике. Из них только около четверти имеют базовое экономическое образование, поэтому «занятия начинаются с освоения экономических дисциплин на уровне бакалавриата. Высокий уровень математической подготовки студентов и интенсивность занятий позволяют освоить базовые концепции экономической теории в течение нескольких месяцев. Программа второго полугодия первого года обучения содержит курсы промежуточного и продвинутого уровня, некоторые из которых соответствуют уровню подготовки аспирантов первого года обучения программ PhD по экономике». Цитируемая выше информация с сайта РЭШ не оставляет сомнений: из всего, что в течение 4-х лет осваивают бакалавры экономики, магистры РЭШ получают только то, что уже математизировано. Практически все «остальное» поневоле остается «за бортом». Точнее, «остальное» выпускникам РЭШ приходится осваивать уже потом, в ходе практической работы в сфере экономики и только в том объеме, который оказывается доступен и полезен на конкретном рабочем месте. Насколько полноценны они при этом как экономисты-профессионалы – судить невозможно.

Можно сказать больше. Чувство реальности – совершенно необходимое для принятия действительно рациональных хозяйственных решений – как правило, не то что атрофировано, а часто просто отсутствует у тех экономистов-исследователей, которые попадают «в науку» со школьной и студенческой скамьи. Причем это относится не только

к нашим молодым ученым, только начинающим свою карьеру в науке. Наверное, самый поразительный пример отсутствия такого чувства продемонстрировал Е. Бем-Баверк в работе «Основы теории ценности хозяйственных благ» (1886). Его поселенец в первобытном лесу первый из пяти мешков собранного со своего поля хлеба тратит на простое поддержание жизни до следующего урожая, второй мешок – на укрепление здоровья и сил, третий – на корм съедобной птицы, четвертый – на производство водки, пятый – на корм попугаям. Забыл теоретик, что надо кормить и рабочий скот, чтобы пахать поле, не говоря уже о том, что и семена тоже надо сеять, чтобы получать урожай. И это писал ученик Карла Менгера, разработавшего теорию благ разного порядка как раз в соответствии с тем, что одни их них нужны для производства других⁶.

Точно такое же отсутствие чувства реальности продемонстрировал и наш современник, автор очень популярных и в России учебником начального и промежуточного уровня Н. Грегори Мэнкью, когда написал в учебнике «Макроэкономика», что общая сумма импорта складывается из импорта предметов частного и государственного потребления и инвестиционных благ ($IM = C + G + I$)⁷. Понятно, что импорт нефти и любых других промежуточных благ при этом полностью игнорируется.

В целом в экономике как науке сложилась парадоксальная ситуация, невообразимая, вероятно, ни в какой другой сфере реальности: одни хозяйствуют, принимают решения, часто не имея ни малейшего представления о науке, другие теоретизируют, не имея ни малейшего представления о практике принятия решений, да еще нередко и претендуют на то, чтобы давать рекомендации практикам. Можно ли представить себе тренера по плаванию, ни разу в своей жизни не входившего в воду? Честный экономист-исследователь, на которого неоднократно ссылается и А.М. Либман, отказывается от такой роли⁸ и предлагает больше внимания уделять роли экономической науке в культуре в целом: «В целом у меня сложилось ощущение, что формальные упражнения, которые мы задаем нашим студентам, в лучшем случае делают изучение экономической теории менее интересным, а в худшем - способствуют формированию довольно неприглядного "экономического человека"» и «Как экономисты-теоретики, мы организуем наше мышление с помощью того, что мы называем моделями. Слово "модель" звучит научнее, чем "басня" или "сказка", хотя большой разницы между ними я не вижу... Как и в случае с хорошей басней, хорошая модель может оказывать огромное воздействие на реальный мир, не давая рекомендаций и не предсказывая будущее, а скорее влияя на культуру»⁹. Выше уже отмечалось, что эндогенизация культуры в политико-экономических моделях представляет собой одно из приоритетных направлений современной политической экономики (пункт 2 в списке А. Алезини). Но, возможно, придет время, когда экономическая культура как часть объективной реальности станет предметом экономики как науки.

⁶ Австрийская школа политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер, пер с нем. М.: 1992, с. 280.

⁷ Мэнкью Н.Г. Макроэкономика. пер с англ. М.: 1994, с. 287

⁸ «Я предпочел теорию торга теории аукционов, поскольку аукционы ассоциировались у меня с богатыми, а торг - с обыкновенными людьми. Однако я и помыслить не мог, что теория торга может научить меня лучше торговаться. Когда впоследствии люди обращались ко мне за советом при переговорах о покупке квартиры или предлагали вступить в команду по разработке стратегии политических переговоров, я отвергал все эти предложения. Я сказал им, что, как экономисту-теоретику, мне нечего дать им. Я не сказал, что у меня не было здравого смысла или жизненного опыта, который мог бы быть полезен при таких переговорах, речь шла только о том, что мои профессиональные знания были в этих вопросах бесполезны. Этого ответа хватило, чтобы их отпугнуть. Лицам, принимающим решения, обычно нужны консультации профессионалов, а не консультации, основанные на здравом смысле. Они полагают (и возможно, они правы), что у них столько же здравого смысла, сколько и у самоуверенных профессиональных экономистов». А.Рубинштейн, Дилеммы экономиста-теоретика, Вопросы экономики, 2008, № 11. с.???

⁹ См. там же, с.???

Вернемся, однако, к тому, какими силами и в каких направлениях российское научное сообщество могло бы «отвечать на вызов» мировой экономической науки. Силы – если подходить к ним со стандартными мерками – пока невелики, об этом уже выше много говорилось. Но сами эти мерки ориентированы на отдельно взятых ученых, которые, как предполагается, конкурируют друг с другом. Но помимо конкуренции в жизни, а также в науке, существует и кооперация. Вот только два классических примера плодотворной кооперации экономистов и математиков: Кобб – Дуглас и Корнаи – Липтак. В России все еще есть сильные математические школы, конкурентоспособные на мировом уровне и являющиеся органичной его частью. Если начинать с хорошей качественной постановки экономических проблем, то, весьма вероятно, найдутся специалисты, способные перевести их в адекватную математическую форму. Например, на языке теории категорий. Эта область математики появилась сравнительно недавно. Ее основные понятия – категория и функтор – были введены в 1944 году, а в самое последнее время она, возможно, находит применение в физике – традиционно эталонной науке для экономистов, а конкретнее – в квантовой механике¹⁰.

Возможно, одна из причин того, что экономисты состоят в том, что само принятие хозяйственных решений пока понимается скорее в духе Бем-Баверка – «предпочтение благ во времени» без следов затратности, чем Менгера – «**причинно-следственные** связи затрат и результатов». Между тем, именно меж-временный характер причинно-следственной связи главных экономических переменных запечатлен в термине интерес: латинское *inter est* – «между есть» прочно закрепилось за тем, что по-русски не самым удачным образом называется процентом (или ссудным процентом). Этот процент – всего лишь частный случай показателя разности затрат и результата, отнесенного к затратам. В хозяйствовании есть и другие показатели аналогичного типа, например, «сам-Х» («сам-три», «сам-пять», «сам-сто»), характеризующие, в частности, как раз эффективность затрат зерна в качестве семян.

Уже цитировавшийся выше Ариэль Рубинштейн в своей статье подробно разбирает дилеммы, связанные с предпочтениями во времени, и возникающие при этом парадоксы. Но к практике хозяйствования они могут и не иметь отношения. Во всяком случае, современные представления об эффективном хозяйствовании в том, что касается движения и наличия благ – *just-in-time* (точно в срок) – никак не вяжутся с принципом «чем раньше, тем лучше», пусть даже и «при прочих равных».

Вообще принятие реальных хозяйственных решений невозможно представить как отдельные акты выбора. Даже самое «элементарное» из них представляет собой акт творчества и включает в себя совокупность (или систему) выборов довольно разного типа.

Базовый среди них – это выбор пропорции между свободным временем сейчас и созданием средств существования в будущем, продолжением жизни как *высшей ценности*, на которую ориентировано хозяйствование. Эта пропорция имеет мало общего с классической моделью «Экономики Крузо», поскольку в этой модели все происходит в одном периоде времени, затраты и результаты осуществляются фактически

¹⁰ «Недавно в архиве е-принтов появилось эссе Боба Коуке (Bob Coecke – <http://www.comlab.ox.ac.uk/people/Bob.Coecke/index.html>), сотрудника Вычислительной лаборатории Оксфордского университета, озаглавленное «Введение в теорию категорий для практикующего физика» (Introducing categories to the practicing physicist - <http://arxiv.org/abs/0808.1032>). ...Он считает, что физикам-теоретикам просто необходимо знать и уметь применять теорию категорий, поскольку они и так работают с категориями (в математически строгом смысле слова), сами того не подозревая!...Автор эссе утверждает, что именно «опыт распознавания структур», который уже накопила теория категорий, будет очень полезен физикам-теоретикам. В качестве конкретного примера он берет такой раздел физики, как квантовая механика, и постепенно облекает ее в категорную форму. Оказывается, многие ключевые для квантовой механики понятия, например принцип суперпозиции (благодаря которому возможны запутанные состояния), локальность, **причинность** и т. д., возникают в подходящих категориях сами собой. В них даже находятся готовые аналоги для не до конца понятого процесса измерения квантовой системы». см. http://elementy.ru/news/430819?page_design=print и последующие комментарии, которые «топологически» идентичны обсуждению полезности применения математики в экономике.

одновременно. Однако смысл понятия альтернативные издержки в этом выборе (trade-off) в полной мере, причем ограниченность выбора не требуется «постулировать»: любая пропорция ограничена рамками интервала от 0 до 1.

Возможно, первым, кто ценность («стоимость») «отвязал» от объектов-благ и «привязал» к субъектам-людям, был Карл Маркс: «Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости (=ценности, Wert, – Л.Г.) покоится лишь на полнейшем невежестве... Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы, если бы она приостановила работу не то что на год, а хотя бы на несколько недель»¹¹. Вторичный, инструментальный характер ценности труда – части жизни – по отношению к ценности жизни как целому, категорически зафиксированный в процитированном фрагменте из письма Карла Маркса Людвигу Кугельману (11.07.1868), ставит под большой вопрос трудовую теорию ценности/стоимости хозяйственных благ, обмениваемых на рынке, поскольку о жизни в ней ничего не говорится, она остается «за кадром», хотя и подразумевается¹². Написано это было еще за несколько лет до первых публикаций отцов-основателей маржиналистской революции и уже после опубликования первого тома «Капитала». Остальные тома были изданы уже после смерти Маркса в 1883 году на основе рукописей, написанных им до 1868 года.

Следующий, производный выбор тоже стратегического характера – определение пропорции «сбережение – потребление» на множестве реальных средств существования. Хотя и здесь речь формально идет о пропорции и о тех же ее границах, любой хозяйствующий агент принимает во внимание наличие запасов. Поэтому текущее потребление может и превышать текущее же производство, что и происходило в нашей стране довольно долго и во многом продолжается и сейчас.

В рыночной экономике эти два связанных выбора в «пространстве» времени жизни и средств ее обеспечения дополняются формированием оптимального портфеля финансовых активов, где значимыми конкурирующими *инструментальными ценностями* являются ликвидность, доходность и надежность трансформации финансовых активов в реальные средства существования.

Кроме того, само принятие хозяйственного решения представляет собой определенное состояние в отношении двух неопределенностей: объективного внешнего мира и субъективного внутреннего мира того, кто решение принимает. Имеющаяся при этом дискретность может рассматриваться как аналог квантовости, которой оперирует уже около ста лет физика.

Далее. Каждое определенное, дискретное хозяйственное решение представляет собой неотъемлемую часть цикла, в который наряду с ним входят процесс исполнения решения, а также мониторинг этого процесса и его результатов. Эта цикличность также остается «за кадром» мейнстрима, как жизнь у Маркса в его трудовой теории. В этой связи представляется уместным сослаться здесь на Никласа Лумана (1927 – 1998), многие работы которого доступны в интернете на русском языке. Введенный им в обиход наук об обществе конструкт «автопоэзис», название которого (в переводе с греческого – самосоздание, самопроизведение) он заимствовал из когнитивной биологии¹³, в полной мере применим и к циклу хозяйственной деятельности, научным изучением которого некому заниматься, кроме экономистов-исследователей. Однако разнообразные виды

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., Т. 32, С. 460.

¹² С точки зрения, представленной в этом письме, гораздо логичнее была бы жизненная, или витальная теория ценности, в рамках которой инструментальными ценностями были бы не только блага, производимые трудом, но и сам этот труд, а также труд по использованию этих благ и, шире, все виды деятельности, нацеленные на обслуживание телесной стороны жизни людей. Но создание такой экономической теории ценности вряд ли возможно в формате критики политической экономии (полное название труда Карла Маркса «Капитал. Критика политической экономии»). Критика не может быть свободной от своего собственного объекта, она всегда находится в плену у него.

¹³ Autopoiesis and Cognition / Ed. by H. Maturana, F. Varela. Dordrecht; Boston: Reidel, 1980. – ссылка в <http://www.socjournal.ru/article/174>

цикличности точно так же остаются «за кадром» рассуждений о равновесиях в экономике с применением стандартных математических инструментов «после 1870 года», как до этого жизнь (и людей, и общества) в экономических работах Маркса.

Современная экономическая теория – и это отражено в обзоре А.М. Либмана – уже начинает осваивать категорию неопределенность, различая объектную «неопределенность по Шумпетеру» и субъектную «неопределенность по Хайеку» (см., например, с. 142). Но это различие пока больше напоминает попытку добавить новые эпициклы в геоцентрической системе Птолемея, чем перейти на гелиоцентрическую систему Коперника.

Но дело даже не в тонкостях теоретического описания тех или иных реалий рыночной экономики, пусть и с учетом «русской специфики». Есть одно совершенно реальное «хозяйственное обстоятельство», которое отличает «нас» от «них» и в обиходе называется Трубой.

Традиционные общества обходились воспроизводимыми природными ресурсами, хотя это не избавляло их от проблем, описываемых моделью Вольтерра – Лотки («хищник – жертва»). Индустриальные общества стали таковыми только благодаря растущему использованию невоспроизводимых благ, равно как и накоплению неунимчивых расходов, среди которых сейчас особую ценность имеют углеводородные ресурсы и отходы их использования.

Вызов нашей экономической науке находится именно здесь – в «чисто хозяйственных» отношениях между теми, кто живет «здесь и сейчас» и теми, кто будет жить «везде и потом». Этот выбор между потреблением и сбережением совершенно не вписывается в рамки рыночных отношений, когда участники договорных отношений действуют своей волей и в своем интересе. Более того, частным лицам может быть отказано в праве представлять чьи-либо интересы, кроме своих собственных.

Вот один конкретный пример¹⁴. В начале 1970-х годов в США общественная организация «Сьерра клуб» подала иск на компанию «Уолт Дисней продакшн» с целью запретить ей строительство горнолыжного курорта в горах Сьерра-Невада в национальном парке «Секвойя», экосистема которого от этого неизбежно пострадает. Организация представила иск от имени живущего поколения и будущих пользователей этого общественного блага, включая еще не рожденные поколения, права которых будут нарушены этим строительством. Иск прошел все инстанции, вплоть до Верховного суда и везде получил отказ на основании того, что «Сьерра клуб» не может представлять интересы других, тем более нерожденных поколений. Такое решение, поддержанное всей американской системой правосудия, свидетельствует о том, что она ориентирована на защиту интересов только тех субъектов, которые могут сами их предъявить. Это и есть интересы тех, кто вступает в отношения купли–продажи.

Но кто-то должен же защищать интересы будущих поколений. Если это не могут делать частные лица, то «математический метод исключения» оставляет эту роль государству, причем государство в этом случае выступает как «самостоятельное существо, не зависящее и находящееся вне обычных членов общества». А именно такой подход автор не рассматривает, оставаясь в мейнстриме. Но отношения между самыми разными поколениями, в том числе с еще не существующими, по поводу производства жизни общества – это именно экономические отношения, а не политические или какие-либо еще. Возможно, первым этот тип производственных отношений арендного типа, или отношений «принципал – агент», зафиксировал Маркс в рукописи, ставшей основой для издания третьего тома «Капитала»: «Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею и, как добрые отцы семейств, они должны оставить ее улучшенной последующим поколениям»¹⁵.

¹⁴ «Экономические концепции для общественных наук», Тодд Сэндлер, пер. с англ. М., 2006, с.232.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.II. С.337.

Не наше, российское, общество спонтанно породило этот глобальный вызов, но, похоже, никакое другое пока не может занять позицию планомерной защиты интересов представителей интересов будущих поколений, причем не одной отдельно взятой страны, а всего человечества. Эта позиция перестанет быть вербально риторической тогда, когда мы станем либерами в области ресурсосбережения на душу населения.

Если российские экономисты-исследователи смогут поддержать государство в занятии и отстаивании этой позиции, вопрос об их собственной позиции в мировой науке отпадет за неактуальностью. Не так давно ведущие математические журналы, издававшиеся в нашей стране на русском языке, их зарубежными коллегами целиком переводились на английский.